

УДК 32

С.А. Трахимёнок

Международный университет МИТСО, г. Минск, Республика Беларусь.

**КАПЛЯ В ОКЕАНЕ ПОБЕДЫ
(ОПЫТ НЕНАПИСАННОГО ОЧЕРКА)**

Ключевые слова: очерк, война, фронт, победа, освобождение Белоруссии, цивилизованный мир, «бог не в силе, а в правде», патриотизм.

Рассмотрены рассуждения ученого и писателя с позиций праздника Великой Победы, память об отце–фронтовике.

S.A. Trakhimenok

**A DROP IN THE OCEAN VICTORY
(THE EXPERIENCE OF THE UNWRITTEN ESSAY)**

Keywords: essay, war, front, victory, liberation of Belarus, civilized world, "God is not in power, but in truth", patriotism.

The arguments of the scientist and the writer from the standpoint of the Great Victory day, the memory of the father – front-line soldier are considered.

Трахимёнок Сергей Александрович - член союзов писателей России и Беларуси, доктор юридических наук, профессор Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси "Международный университет МИТСО", г. Минск; E-mail: s.trahimyonok@mitso.by; тел.: +375(17)279-98-51.

Sergey Aleksandrovich Trakhimenok - a member of the Union of writers of Russia and Belarus, doctor of legal sciences, Professor, the Establishment of the Federation of trade unions of Belarus "International University MITSO", Minsk. E-mail: s.trahimyonok@mitso.by; phone: +375(17)279-98-51.

Когда началась война «ты был уже взрослым человеком» – тебе исполнилось шестнадцать, и ты поступал учиться в ФЗУ города Бийска. За твоей спиной была обычная жизнь старшего ребенка в многодетной семье без особой романтики и каких-либо из ряда вон выходящих событий, если не считать, что в одном из школьных походов ты нашел хорошо сохранившийся обломок бивня мамонта, из которого твой отец изготовил ручку к колесу швейной машинки. Да, пожалуй, то путешествие на юг, которое ты совершил в двенадцать лет.

Так много лет назад, когда только-только начинал «пробовать перо», я пытался начать очерк о тебе. Потом, уже став профессиональным писателем и имея в своем активе несколько книг прозы, я делал еще несколько попыток, но каждый раз откладывал текст, понимая, что в нем так и не появилось то, что делает публицистическую вещь завершенной.

Даже в конце восьмидесятых, когда реформаторы всех мастей стали бить военное поколение за то, что оно «не на той стороне воевало», и у меня, как реакция защиты твоих сверстников, сами собой появились рассказы – «эхо войны», попытки закончить начатое так ни к чему и не привели. То ли время тогда еще не пришло, то ли, в отличие от других героев моих рассказов и очерков, я знал о тебе не отдельные штрихи, которые обычно служат толчком к созданию образа, а гораздо больше, причем настолько, что возникало вполне естественное явление аберрации.

То путешествие не было бегством из дома. Юг – мечта каждого маленького сибиряка – «там все время лето». Рассказы об этой теплой и благодатной стороне зажигают сердца сверстников, как рассказы о море смущают души мальчишек сухопутных краев и толкают на неординарные поступки.

Дело было в конце февраля и ты, «тепло одевшись» – пальтишко без воротника, на ногах валенки, за пазухой харчишки – «уехал в Алма-Ату». На площадках товарных вагонов и в собачьих ящиках вагонов пассажирских, неременном атрибуте пассажирских составов того времени, нам, родившимся во второй половине двадцатого века, не знакомом, ты за пять суток добрался-таки до цели. Город тебе не понравился, может быть, потому, что на улицах стояли лужи, в твоих валенках хлюпала вода, а милиционеры мгновенно выделяли в толпе странно одетого мальчишку... «Разочаровавшись в юге», ты вернулся домой, в рабочий поселок Карасук и продолжил учиться в школе, чтобы стать токарем, почему в сорок первом и уехал в Бийск.

Война все перестроила на свой лад. ФЗУ, в котором ты постигал премудрости обработки металлов резанием, передали в распоряжение наркомата обороны – увеличили число «фабзайцев», сократили сроки обучения, и через несколько месяцев ты уже стоял перед распределительной комиссией одного из военных заводов Барнаула. Природа наделила тебя и силой, и ростом, и решение комиссии было категоричным – «в кузнечный, там дефицит молотобойцев». Так ты, «дипломированный токарь», стал работать со взрослыми мужиками в кузнечном. Там все было как у всех: полная слуховая адаптация к стуку стали о поковки и в конце смены сведенные судорогой пальцы, державшие молот по двенадцать часов.

Призывной повестки ты не получал. В ноябре сорок второго тебя просто вызвали в отдел кадров завода и сообщили, что завтра ты должен убыть в военкомат. После смены ты не пошел в общежитие, а завалился спать в подсобке, чтобы не опоздать к сроку на призывной пункт. Проснувшись утром, ты не обнаружил своих башмаков с деревянной подошвой. Времени на поиск похитителя не было, и ты пошел на службу босиком. Ноябрь – месяц в Сибири зимний, на улицах лежал снег, и чтобы погреться, ты заскочил в какую-то котельную. Здесь кочегары изматерили твоих начальников и нашли тебе старые тапочки, которые ты привязал шпагатом к ногам и пошел защищать Родину.

Но на фронт ты попал не сразу. В сорок втором уже действовала отработанная система комплектования вооруженных сил: сибирские новобранцы перемещались на Дальний Восток, где одновременно проходили обучение и служили сдерживающим фактором для Квантунской армии. В бухте Славянка в бригаде морской пехоты, где тридцать лет спустя будет служить твой младший сын, ты начал осваивать премудрости военной службы. Осенью сорок третьего бригада была поднята по тревоге, погрузилась в теплушки и двинулась через всю страну на Запад. Всем в том составе казалось, что через несколько дней их ждет фронт, но на станции Хребет эшелон врезался во встречный эшелон с тракторами. Была ночь, от столкновения оторвались железные печи в вагонах, заклинило двери, и состав со спящими людьми вспыхнул, как свечка.

Однако судьба в тот раз была благосклонна к тебе. Твою теплушку от удара переломило пополам, и ты сам не понял, как оказался выброшенным в снег, не получив

даже царапины. От бригады в живых осталось несколько человек. Недолго думая и не спрашивая их согласия, всех направили в саперную школу. Еще три месяца учебы в школе и плюс три месяца службы там же в качестве инструктора, несколько перебросок по железной дороге, и только тогда ты в составе отдельной саперной роты оказываешься на фронте.

В первый день пребывания там тебе «как опытному сержанту» приказывают отвести роту в деревеньку в двух километрах от штаба полка. Что может быть проще, ведь ты делал это неоднократно в саперной школе. Ты построил роту, проверил наличие личного состава и повел ее в означенную деревеньку. Проселок не плац, но рота шла в ногу, без растяжек, и ни у тебя, ни у ведомых тобой не возникло мысли, что рядом с передним краем строем не ходят и подобные перемещения целесообразней осуществлять мелкими группами и чаще всего ночью.

Но и здесь тебе повезло. Разумеется, вы попали под обстрел. Однако, то ли противник не ожидал от вас такого безрассудства, то ли занят был чем-то другим, то ли спохватился поздно, и до деревеньки личный состав роты добрался уже кто как, но, тем не менее, никто не пострадал. И все почему-то отнесли это к твоей легкой руке.

А дальше началась работа помкомвзвода саперов – разминирование чужих мин и установка своих, ночные рейды через минное поле. А поскольку дело это ответственное, разведчики предпочитали, чтобы проходы им делали саперные командиры. И ты много раз ползал по минным полям впереди разведгруппы, надеясь, что судьба обережет тебя от прицельной пули спереди и случайной сзади. В теории этот процесс выглядел просто – сапер с миноискателем ползет первым, находит и разминирует мины. Но практически миноискатель не реагирует на мины в деревянных корпусах, не дает сигнала на неметаллические приводы к взрывателям. Поэтому и летом, и зимой единственным орудием были руки, опыт и везучесть. Ощупал руками влево-вправо расстояние метр с небольшим, чуть продвинулся вперед и снова тоже самое. Нашел мину – разминировать некогда – отодвинул с пути, если возможно, если нет - пометил березовой вешкой, которую хорошо видно ночью, и двигаешься дальше.

Вскоре ты уже исполнял обязанности командира взвода, не особенно вникая в поговорку, что сапер, будь то солдат или офицер, все также ошибается один раз в жизни, и конечно не зная статистики, согласно которой время пребывания на должности командира взвода в действующей армии является самым непродолжительным.

Готовилась операция по освобождению Белоруссии. Твои бойцы рубили деревья, вязали плотики, промеряли ночью глубину реки, сбивали козлы и подтаскивали к реке. Следующей ночью была дана команда на установку, в процессе которой выяснилось, что плотиков меньше, чем нужно, козлы не соответствуют глубине реки, а плавать умеешь ты один. Но... приказ был выполнен, и ты с остатками взвода был назначен комендантом четырех таких переправ через реку Проню. В задачу комендантского подразделения, как обычно, входило наблюдение за состоянием переправ и восстановление их в случае повреждения противником.

А потом были водяные столбы от взрывов снарядов, щепки от разбитых плотиков и восстановление двух переправ, по которым пехота сумела пройти на вражеский берег, и орден Красной Звезды за мужество и героизм, проявленные при обеспечении форсирования реки Прони. И был бросок к Могилеву, который командование стимулировало, в том числе и информацией о содержании и расположении интендантских немецких складов.

Вы «взяли Могилев». Правда со складами вышла обычная в таких случаях неувязка. Сразу после штурма комендант гарнизона получил приказ обеспечить их охрану. А конфликт с комендантской ротой разрешился с присущей славянской ментальности простотой. Комендант приказал своим подчиненным «не видеть» того, что вместились в вещмешок. И ты все время вспоминал сделанный с немецкой аккуратностью

ящичек с шоколадом, легко разместившийся у тебя за спиной и долго служивший во время наступления дополнением к пайку, а точнее к его отсутствию, поскольку кухня часто не успевала за продвигающимися вперед частями.

Затем были другие реки тогдашней Белоруссии: Березина и Неман, и второй орден – Отечественной войны - и снова работа, в которой как обычно при наступлении все больший удельный вес стало занимать разминирование... и ошибки, и случайности, от которых не застрахованы саперы. Под Белостоком не минула сия чаша и тебя.

Взрыв, удар о землю и первая мысль: «Может обошлось...». Ведь был у тебя во взводе курьезный случай, когда рядовой Раджапов наступил на мину и не только остался жив, но и не пострадал даже, если не считать разорванного английского ботинка, которые он выменял за день до случившегося на несколько банок трофейной тушенки. Но... чудеса на фронте случаются еще реже, чем в тылу. Ты помнишь своих товарищей, перетягивающих ремнем от автомата искалеченную ногу и множество оберток от индпакетов, разбросанных по мерзлой земле, и транспортировку в санбат на открытой грузовой машине, когда тебя и еще нескольких раненых неимоверно подбрасывало на каждой кочке и хотелось, чтобы эта поездка быстрее закончилась, может быть, даже смертью. Дальше были госпитали, операции, третий орден, на этот раз - Славы, про который ты говорил, что получил его за то, что разрядил собой еще одну вражескую мину. В госпиталях ты встретил свое двадцатилетие и День Победы.

Отдав должное медицине, ты вернулся на свою родину в город Карасук и начал мирную жизнь, в которой все было заново. Заново учился ходить, сначала на двух костылях, а затем с одним... Заново учился: в вечерней школе и электротехникуме... Заново учился играть в те игры, которые твои сверстники не доиграли в детстве и юношестве. Один из твоих друзей в послевоенные годы вел дневник, в котором сохранилась интересная запись... «Вчера играли в футбол с краснозерцами. Сашка стоял в воротах... на костылях ... мы выиграли...».

«Мы выиграли». Твое поколение с полным правом могло сказать это. «Мы выиграли», поскольку, несмотря на сегодняшнюю полярность оценок той войны, от пропагандистского: «броня крепка и танки наши быстры...», до астафьевского: «мы забросали их трупами», вы действительно выиграли: сделав страну единым военным лагерем, сделав союзниками бывших противников, взрастив свою директорскую, дипломатическую и военную элиту, сосредоточив ресурсы страны на стратегических направлениях противоборства с половиной, так называемого «цивилизованного мира».

Но Бог не в силе, а в правде... Эта правда всегда жила под шелухой надуманных идеологий, идеалов социальных революций и реформирований, и всегда востребовалась в экстремальных обстоятельствах, так, как только на нее можно было опереться в тяжкую годину, поскольку стояла она на культурологических основах выживания, присущих данному геополитическому пространству. А носителями этой правды были не вожди и идеологи, а народ. Проблема патриотизма и попыток сознательного постижения этой правды на российских пространствах во все времена была проблемой элиты, а не народа. Искаженному восприятию тех эпохальных событий способствовали и субъективные факторы. Общественно-государственная система, созданная кровью и лишениями советских людей, обеспечила во второй половине двадцатого века относительно безопасное существование двум советским поколениям.

Но за все на этой земле необходимо платить, и верно отметил Александр Зиновьев: «Достоинство того времени – это диалектическое продолжение его недостатков». Два поколения людей выросли, как говорят методологи безопасности, в условиях сверхзащищенности государства, попросту в небывалом для данного пространства социально-политическом комфорте, и это сыграло роковую роль в формировании идеалистических взглядов на общество, социальную и культурологическую конкуренцию.

Войны, революции, национальная и расовая вражда для элиты этих поколений были «пережитками прошлого, которые никогда не вернутся в наше цивилизованное общество».

В фокусе этих представлений и сформулированных на их основе интересов, абсолютно не соответствующих «правде данного геополитического пространства», рано или поздно к руководству страной должен был прийти типичный представитель первого благополучного послевоенного поколения. И он пришел, став первым и последним Президентом СССР...

Сегодня, накануне очередного празднования Дня Победы, мы можем констатировать, что самая кровопролитная война прошлого века стала историческим прошлым. Однако, именно сейчас, пока это прошлое еще не такое далекое, у нас есть уникальная возможность, отказавшись от идеализации и лакировки многих событий войны в восьмидесятые годы, а также шельмования и дискредитации побед и заслуг ее участников в «перестройку», отразить в различных формах все, что происходило тогда, отталкиваясь не столько от доктрин и концепций «тоталитаризма» и «демократии», сколько от судеб людей – капель, из которых и слагался океан той Победы.

Однако все это рассуждения ученого и писателя, а с позиций человека накануне этого Великого праздника я хотел бы еще раз отдать должное твоему поколению и дань памяти тебе – мой отец.

Рецензент статьи: доктор юридических наук, профессор Уральского государственного юридического университета А.С. Шабуров.